ПАПКА

Социальная драма в трех действиях

12+

Ирина Иваненко

Ирина Иваненко

Папка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67734677
SelfPub; 2023

Аннотация

Фантастическая история жизни и любви пятилетнего мальчика к своему отцу.

Содержание

Действие первое. Остановка 4
Действие второе. Старик 9
Действие третье. Социальное 13

Ирина Иваненко
Папка

Действие первое. Остановка

На остановке стояли люди. Голый спальный микрорайон, заполненный высотками и пустырями, среди которых неспешно прогуливался весенний ветерок, заливало приятное согревающее солнце. Широкая дорога, уходящая к окраине города, время от времени выпускала из своей пасти бело-зеленые точки маршруток и автобусов. Ждущих было немного. Объединенные одним желанием, они, как и все ждущие остановочники спальных микрорайонов, на время стали одной большой семьей. Семьей, в которой никто друг с другом не разговаривает, но все безмолвно осуждают и анализируют. Среди ждущих выделялись семейная пара с ребенком и девушка.

Девушка. Красивая, утонченная, скромно посматривающая на окружающих, держала огромный пакет, из которого виднелись края подарочной коробки. Судя по украшению, коробка ехала на детский день рождения. Время от времени девушка поглядывала на семейную пару с ребенком, и пытливость ее взоров выдавали в ней ум и сострадание.

Не сказать, что семейная пара нуждалась в сострадании.

Они существовали вне времени и вне этого пустого людского сострадания. Если присмотреться к ним…

Отец. Он сидел на остановочной лавочке, широко расставив ноги, и уныло глядел перед собой. Время от времени эта унылость наполнялась осмысленностью и отчаянием, и тогда он дергал головой в сторону стоящего на пригорке магазина. Потом, с такой же быстротой, его глаза потухали и снова замирали в пространстве. Душа давно пьющего человека томилась как в клетке.

Мать. Дебёлая и широкоплечая женщина, которая навскидку была выше супруга на целую голову, стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу. Ее вчерашний пьющий вечер тоже хорошо отражался на несчастном лице. Пара гармонично дополняла друг друга.

Эту гармонию нарушало лишь одно – их, весело снующий между папой и мамой большеглазый и пухлощекий пятилетний сын. Сегодня для него был день счастья. Сегодня они поедут в город, гулять всей семьей. Мальчик каждые полминуты подбегал к краю тротуара и пристально всматривался вдаль, в надежде увидеть долгожданный автобус. В руках у него был прозрачный пакет с тремя длинными вафельными трубочками со сгущенкой, купленными здесь же, в остановочном ларьке. Не выдерживая распирающего его апофеоза радости, он иногда подскакивал к отцу и спрашивал быстрым и нежным голоском:

– Папка, а мы мороженое купим?

Папка, нервно дергал головой в ответ и снова смотрел в сторону магазина, всасывая воздух через полураскрытый и немного пенящийся слюной уголок рта.

– Ага, – радостно отвечал малыш и снова перемещался к маме, чтобы просто потоптаться вокруг нее и опять пойти к краю тротуара высматривать автобус.

– А мы на машинках покатаемся? – снова не выдержал малыш на очередном витке своего незамысловатого маршрута.

Папка издал грудной гул, который был больше похож на «нет», чем на «да», и кивнул головой. Мать молчала всю дорогу, нервно и болезненно поглядывая на мужа, вероятно, вспоминая вчерашний звонкий вечер, где, возможно, был мордобой, и не факт, что дрался супруг. Ее понурое бессилие, казалось, отягощало весь остановочный воздух.

Минуты шли. Автобус не приходил.

Папка мучился.

Как сказочная фея, попавшая в подземелье к злым гномам, металась его пьянчужная душа в чужеродной среде отцовской ответственности. И если бы мы смотрели прямо ему в глаза, то, наверное, уловили бы тот момент, когда он ментально исчез.

В очередной раз дернув головой, он подозвал сына. Тот подбежал с горящими и готовыми к общению глазами.

– Г-гы, дай, г-гы, – приблизительно с такими неопределенными и неразборчивыми звуками отец двинул рукой к пакету с трубочками.

Мальчик радостно и доверчиво протянул их папе. Тот, быстрым ухватистым движением развернув пакет, достал одну и, резко обогнув стенку остановки, торопливыми и размашистыми шагами пошел вверх, по пригорку, к желанному магазину, на ходу засовывая в карман украденную трубочку. Он не прикоснулся к сыну, ничего не сказал ему, не оглянулся. Мальчик, ошарашенный, постоял несколько секунд, а потом медленно и испуганно, как пассажир на краю перрона, который боится, что сейчас из-за угла выскочит поезд и собьет его, выглянул из остановки и стал смотреть вслед удаляющемуся отцу. Его прекрасные глаза заполнялись прозрачными голубыми слезами. Слезы, сливаясь в огромные, круглые капли, скатывались по пухлым щекам и падали на пыльную землю.

Мать, наблюдая эту пятисекундную сцену насилия, не двинулась с места. Похоже, для нее исход события был очевиден. Она еще больше погрустнела, снова переступила с ноги на ногу и подошла к сыну. Утешение? Нет. Она не проявила никакого утешения. Положив тяжелую ладонь на маленькую спину, она неопределенно буркнула:

– Ну, что ты…

Малыш повел плечами, стряхивая ладонь матери, и снова стал вглядываться в колышущийся воздух, уносящий родную спину, как Ассоль вглядывалась в море, ожидая своего Грея. Когда папка исчез из зоны видимости, мальчик уткнулся лицом в ноги матери. Все несладко стало для него в этот

момент: и трубочки, и катание на машинках, и мороженое.

Почти никто на остановке не заметил произошедшего. Только девушка с подарочной коробкой. Глубоко пораженная событием, стояла она и смотрела своими умными и интеллигентными глазами на катастрофу маленькой детской души. И, как любой интеллигент, мысленно пыталась исправить ситуацию, в растерянности поглядывая то на свою коробку, то на мальчика. То на коробку, то на мальчика. Она стала взвешивать в своей умной голове, что ее коробка, вероятно, не утешит мальчика настолько, насколько нужно, или утешит, но не доставит удовольствия, вдруг он не хочет такого подарка. И так далее, и так далее, и так далее…

Пока умная и интеллигентная девушка пыталась совершить правильный поступок, беззвучно подошла маршрутка, в которую сели мальчик с мамой, и увезла их в далекую даль, оставив умную и интеллигентную девушку с ее неопределенным желанием, размышлять о несправедливости мира.

И никто из окружающих: ни девушка, ни другие ждущие, ни даже победившее зло – не заметил, как от угла остановки медленно отслоилась темная старческая фигура и неспешно пошла вверх, по пригорку, в сторону магазина.

Действие второе. Старик

Силуэт старика отличался от всего, окружающего его пространства. Он был темнее, ярче и гуще. На это не обращали внимания прохожие. Никому в мире не было дела до старика.

Неторопливо пройдя по пригорку он остановился у входа в магазин. За стеклянной витриной виднелся, органично сливающийся с барной стойкой буфета папка. Старик снял видавшую виды шляпу и тихо вошел.

Прямо и направо от входа простирались длинные прилавки и несколько полупустых касс. Налево, через небольшой темный коридорчик, открывал свои объятия всем жаждущим общепитовский буфет. Замусоленные круглые столики на высоких ножках, грязные плинтуса и запах подтухшей выпечки – вот они, совокупные составляющие счастья любого алкоголика. Папка был там как рыба в воде. Прислонившись широкой грудью к одному из столиков и перебирая пальцами разлагающуюся вялено-копченую рыбешку, он разговаривал с двумя, найденными тут же, приятелями. На столе стояла двухлитровая бутылка пива, очевидно, очень недостаточная для такой знающей компании.

Старик не торопился…

Папка даже и близко не знал…

Жаркий гул буфета располагал к общению и душевной

близости. Старик легко влился в компанию.

– Давайте еще по пятьдесят грамм, милые юноши, я угощаю. Позвольте сделать вам приятное, – время от времени произносил он и, дождавшись одобрительного туповатого гогота, добавлял: – Расскажите еще, мне очень интересно, я так давно не выпивал с приятными людьми.

Тогда папка, вытирая рот своими темными и всё ещё жирными от рыбы пальцами, продолжал:

– Тык я ж ей, да, говорю, гм-гм. Я ж, конечно, это ж пацан, да не вопрос. Но я человек слова!.. – на таких моментах папка, прослезившимися пьяными глазами, поворачивался к старику и всем своим душераздирающим видом доказывал свою непререкаемую порядочность.

– Да, я понимаю, – кивал старик, пытаясь заглянуть за эту пьяную слезливую муть глаз и каждый раз безуспешно.

– Вот! Человек понимает, – вздрагивал папка от значимости своих выводов и толкал в бока других, уже совсем вымотанных собеседников.

– А скажите, милый юноша, – наконец, на втором часу незамысловатой беседы, подытожил старик, – вам чего хочется?

Юноша моргнул, пытаясь найти в своей выветренной голове правильные мысли, и что-то промычал в ответ, непроизвольно разведя ладони и помахивая одними пальцами.

– Я могу помочь вам, – вдруг быстро и четко произнес старик, выпрямляясь, приосаниваясь и даже молодея на глазах.

– Помоги, друг, – буркнул проникновенно папка, пытаясь потрепать сильное плечо старика.

Старик улыбнулся, аккуратно ловя в воздухе его руку.

– Все будет хорошо, вы не волнуйтесь…

Заученным ловким движением он прижал папкину руку к столу, ладонью вверх. Другой рукой, нежно и выверенно, нащупал пульс. И, как только под кожей запястья кровь толкнула вену, сильно прижал место сердцебиения подушечкой большого пальца. Папка вскрикнул как от укола и выдернул руку.

– Мне пора, – произнес старик, тут же вставая и прижимая к груди шляпу, – всё будет хорошо, вы не волнуйтесь…

Слегка ошарашенный неожиданной болью, папка внимательно посмотрел на запястье. В районе тонкой красивой вены красовалось круглое темное пятнышко.

Папка присмотрелся, трезвея и беспокоясь. Пятнышко состояло из мелких узорчатых линий и походило на крону какого-то сказочного дерева. Новоиспеченный обладатель пятнышка попытался его оттереть, но безуспешно. Оно проявилось изнутри, под кожей и никак не поддавалось трению. Старика рядом уже не было.

Папка вдруг почувствовал, что ему стало скучно. Он, не сказав ни слова дремлющим приятелям, поднял свое тяжелое пошатывающееся тело и пошел прочь. Как новорожденный теленок вываливается из утробы матери в новый мир, так вывалилось его грузная фигура из утробы магазина на

полуденное теплое солнце. Ему хотелось спать.

Действие третье. Социальное

Папка проспал весь остаток дня, вечер и ночь. Он не слышал, как вернулись его супруга и сын. Не видел как возле его растекшейся по подушке морды, долго стоял мальчик и смотрел невинными глазами. Глазами человека, который покатался-таки на машинках и съел свое мороженое…

Папка проснулся рано, перед самым рассветом. Сел на кровати и смотрел на серые точки парящих за окном голодных чаек. Колышущаяся голова сильно гудела и не порождала ни одной мысли. Старик. Вспомнил папка. Он присмотрелся к пятну на руке. Пятно сильно потускнело и увеличилось до размеров куриного яйца, расползаясь своими тонкими прожилками вглубь папкиного тела. Снова безразлично потерев это место, он остался сидеть на кровати, пока над десятиэтажками не поднялось марево желтого солнечного диска.

Это было воскресенье. Обычный папкин воскресный день сопровождался незамысловатой ругнёй с супругой и походом к магазину на пригорке. Но сегодня ему не захотелось. Болея, он опять улегся в кровать и смотрел на пустое пространство комнаты, на вставшую и бурчащую жену, на их облезлого домашнего кота, который, устроившись на краю кровати, тщательно вылизывал себе причинное место.

Скоро пришел сын. Он остановился в дверном проеме,

прислонившись к косяку двери, и, держа в руке какой-то лист бумаги и тонкую тетрадь, присматривался к отцу. Отец смотрел в ответ, сквозь мальчика.

Малыш постоял еще немного и забыв вчерашнюю трагедию, заполз на кровать, приближая к вонючему папкиному лицу свой нежный носик.

– У меня наклейки. Мы вчера купили, – произнес малыш, поднося к пустым глазам лист, усеянный изображениями человека-паука.

Наклейки. Первый раз за утро подумал папка и сфокусировал наконец свой взгляд на сыне. Молча, как огромная деревянная колода, он протянул руку к листу бумаги и стал отковыривать крайнюю наклейку. Малыш раскрыл тетрадь. Неслушающимися толстыми пальцами, при помощи сына, он криво наклеил наклейку в тетрадь. Этим они занимались все утро. Мальчик много и вдохновенно рассказывал о машинках, батутах, других детях, с которыми он познакомился, о маршрутке туда, автобусе назад, о небе, собаках, траве и чайках, нежно и аккуратно поддерживая тяжелые папкины руки и помогая ему клеить наклейки. Отец молчал, иногда гудел и сосредоточенно клеил наклейки.

С тех пор жизнь семьи сильно изменилась.

Невидимое для чужих глаз пятно в папкином теле расползалось все глубже и шире, оплетая руки, ноги, внутренние органы, запуская свои крошечные линии в сосуды и обвивая сердце и мозг, пока не поглотило его целиком.

Чем больше делалось пятно, тем больше глупел и превращался в ребенка папка. Все чаще он стал засиживаться на диване, внимательно глядя на паровозики, машинки и конструктор, в которые играл сын, несмело протягивая к ним руки, помогая играть и весело гогоча, когда получалось построить домик. Он стал отводить сына в сад и потом нетерпеливо ждать его возвращения, чтобы можно было рассказать, как сегодня во дворе бегали собаки и сколько белых машин он насчитал, пока ходил в магазин. Водка стала ему невкусной, какой-то горькой, щипучей и противной. Старые друзья как-то странно пахли и не хотели разговаривать о наклейках и игрушках. За несколько месяцев уровень папкиного развития откатился где-то к семи годам. Жизнерадостный, веселый, разговорчивый и очень послушный папка, приводил в ступор, свою привыкшую к тупой борьбе супругу. У нее тоже пропал повод пить. Она успокоилась, сильно похудела и похорошела. Заботиться о двух детях сразу было странно, но терпимо, она быстро и легко вошла в колею нового и спокойного быта.

Папке очень полюбилась работа дворника. Супруга отвела его в домоуправление и помогла устроиться на работу здесь же, в своем дворе. Аккуратно и не торопясь, подметал он узкие тротуары, собирал мусор и чистил детские песочницы. По выходным они выходили вдвоем с сыном. Мальчик таскал за отцом ведра, метлы и лопаты, непрестанно щебеча и смеясь.

Когда пришло время пойти в школу, папка не смог помочь сыну в учёбе, но это было и не нужно. Мальчик учился лучше всех в классе, все схватывал на лету и мечтал стать космонавтом.

Время шло. Мальчик рос и сильно умнел. Папке по-прежнему было семь.

Семилетний человек – не дурак. Он просто смотрит на мир по-другому. Мальчик ни разу его не стеснялся, не скрывал от одноклассников и по-настоящему, крепко и преданно, дружил с отцом.

За многие годы их новой жизни произошло много важных и нужных событий, которые они прошли вместе, согревая и поддерживая друг друга. Мальчик поступил в университет, окончил его с красным дипломом и устроился на престижную и хорошо оплачиваемую работу. Потом он женился и, на радость семилетнему неунывающему дедушке, родилось двое детей – сын и дочь.

А потом папки не стало.

Жизнь сорокалетнего мальчика сильно опустела. Много месяцев не мог он унять душевную боль и часто приходил на кладбище. Подолгу стоял у ограды, прислонившись к гладкой березе, и смотрел на могильную плиту. В эти моменты ему часто вспоминалась остановка, трубочки, слезы и почему-то яркий силуэт сутулого старого человека, идущего к магазину, которого он заметил, проезжая мимо в маршрутке…

И утро. То незабываемое их первое утро, когда они вместе клеили наклейки…